

ЗАБЫТАЯ РУКОПИСЬ Д.Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО ОБ ЭКСТАЗЕ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

В.В. Костецкий*

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е.Репина при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kostavictor@yandex.ru

Аннотация. *В современной философско-психологической литературе все чаще используется термин «измененные состояния сознания». Между тем, все измененные состояния сознания начинаются с экстатичности как особого вида психосоматики. Самая яркая концепция экстатичности представлена в забытых работах русского филолога XIX-го века Д.Н. Овсянико-Куликовского. С его точки зрения именно экстатическое состояние в результате трансовых ритуалов с использованием наркотических средств провело границу между человеком и животными, а далее легло в основу всех культурных инициатив человечества. Концепция экстатичности не изложена Д.Н. Овсянико-Куликовским в готовом виде, а является плодом реконструкции автора данной статьи.*

Ключевые слова: *экстаз, язык, ритуал, сознание, безумие, Овсянико-Куликовский, социология, антропогенез.*

Имя известного русского филолога профессора Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского (1853–1920) почти ничего не говорит современным философам. Он больше известен как литературовед, как филолог психологического направления в языкознании, отчасти как социолог. Между тем, его забытые ныне диссертации по кафедре сравнительного языкознания и санскрита явно выходят по своим научным обобщениям за рамки филологии.

Первая магистерская диссертация Д.Н. Овсянико-Куликовского защищалась им в Московском университете в 1882 году и называлась «Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Сомы, в связи с концепцией речи и экстаза». На защите диссертации выступили В.Ф. Миллер и Ф.Ф. Фортунатов.

Вторая магистерская диссертация (для получения звания доцента) защищалась в Харьковском университете в 1885 году и называлась «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности, в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. Ч. I. Культ божества Soma в древней Индии в эпоху Вед». Оппонентами выступили В.И. Шерцль и А.А. Потебня.

* КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств».

Третья, докторская, диссертация была защищена в 1887 году в Одессе, в Новороссийском университете, под названием «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед». Одним из оппонентов вновь выступил В.И. Шерцль.

После защиты докторской диссертации Дмитрий Николаевич никогда более не возвращался к своей уникальной концепции экстаза, развитой в магистерских диссертациях. Не возвращался даже тогда, когда в своем литературоведческом творчестве, в работах по психологии искусства он объективно попадал в тему экстаза. Например, он избегал и недолго любил творчество Ф.М. Достоевского, по поводу которого у Н.А. Бердяева есть очень интересное замечание: «Один только Достоевский не боялся, что в экстазе и беспредельности исчезнет человек» [7, с. 232]. Тексты диссертаций с темой экстаза были опубликованы крохотными тиражами, и почти все брошюры остались нечитаемыми. Сохранилось, насколько мне известно, всего два экземпляра в научных библиотеках: один в Москве, другой в Санкт-Петербурге. Поскольку тексты малодоступны для большинства читателей, я постараюсь цитатами восполнить этот пробел.

Биография Дмитрия Николаевича Овсяннико-Куликовского хорошо известна. Он родился 23 января (4 февраля) 1853 года в местечке Каховка Таврической губернии в семье предводителя дворянства. Обучение в Симферопольской классической гимназии сформировало интерес к древним языкам: греческому и латыни. В семнадцать лет юноша поступил учиться на историко-филологический факультет Петербургского университета. Однако северный климат столицы не пошел на пользу, и Овсяннико-Куликовский перевелся в Одессу, в Новороссийский университет. С 1877 по 1882 годы провел за границей (Женева, Париж). По возвращении из-за границы представил в Московском университете первую диссертацию, в которой уже фигурировала тема экстаза.

Выбор темы диссертации не был случайным. В своих «Воспоминаниях», изданных посмертно его женой, Овсяннико-Куликовский так отзывался о своих юношеских увлечениях: «...И я уверовал в Науку вообще, в социологию в частности. «Социология» не для меня одного в ту эпоху было слово особенное, одно из тех, от которых воспаляются молодые души» [3, с. 23]. Среди писателей-социологов упоминаются О. Конт, Г. Спенсер, Н.К. Михайловский, Эд. Тайлор, Л. Леви-Брюль. «И вот однажды, – продолжает воспоминания старый профессор, – меня вдруг «осенило»: залог лучшего будущего скрывается в самом народе... Признаки же народной самодеятельности я усматривал исключительно в расколе и сектантстве [3, с. 27].

В настоящее время, вероятно, трудно определить в том, какое именно сектантство имел в виду автор, но, судя по ходу исследовательской программы, не обошлось и без влияния хлыстовства, секты «шалопутов», как называли хлыстов в Малороссии. Сектантские «радения» хлыстов и скопцов отли-

чались подчеркнутой экстатичностью культа, что само по себе могло бы привлечь внимание молодого ученого, впрочем, это не более чем предположение.

Пытаясь проникнуть в глубину религиозного переживания, Овсяннико-Куликовский начинает обращаться к наиболее древним текстам религиозного содержания. Свой окончательный выбор он останавливает на гимнах Риг-Веды, усматривая в них некоторые «анормальности» религиозного сознания, которые в скрытом виде усматривались им и в религиозности сектантов. «Мне смутно мерещилась идея, – писал он в своих «Воспоминаниях», – которая стала потом вполне определенной и ясной, – что именно здесь, как в нормальных, так и в особенности в аномальных явлениях духа (выделено мною – В.К.), скрывается ключ к загадке всемирно-исторической эволюции человечества вообще, ее начальных фазисов в частности» [3, с. 35].

«...Одной из стойких черт моего внутреннего мира за последние двадцать лет, – признавался Овсяннико-Куликовский, – является потребность уяснить себе природу и смысл аномальных явлений в человеческой жизни, индивидуальной и коллективной, обыденной и исторической. Моя жизнь неудержимо тянется ко всему болезненному, психопатическому, безумному и преступному» [3, с. 7]. Эти признания относятся к тому периоду в творчестве ученого, когда он отошел от своей концепции экстаза и пытался реализовать свои научные интересы на пути академической науки, в частности, медицины. Описывая уже поздний период своего научного творчества, Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал: «Меня потянуло к медицинским книгам. И как раньше я «завидовал» математикам, астрономам, естествоиспытателям, так теперь я стал «завидовать» медикам и, в частности, психиатрам... Зачастую всплывал в воображении незабвенный образ Н.И. Пирогова, усердным читателем и горячим почитателем которого я был издавна... Несколько позже, принявшись вплотную за чтение психиатрических книг, я преисполнился вящего пиетета к типу врача-невропатолога и психиатра... Я лелеял образ великого Пинеля. Читая Мореля, Моро-де-Тур, Легранд-дю-Соль, Грезингера, Крафт-Эбинга, Ломброзо, Жанэ, Корсакова и других, я был под обаянием самой личности каждого из них» [3, с. 47–48].

Интересно, что чем более Овсяннико-Куликовский «завидовал» естествоиспытателям и медикам, чем более он погружался в чтение психиатрической литературы, тем более он отходил от своих собственных взглядов на экстатическую природу человеческой психики, непризнанных научным сообществом. Теряя веру в себя, ученый пытался обрести ее в современной ему науке. Ему казалось, что новейшие исследования большой группы ученых раскроют ему глаза на давно известные ему факты: «И все странное, нелепое, чудовищное в мифах, в религиозных верованиях, в обрядах культа, в учреждениях и нравах представлялось мне теперь в новом свете, исходившем из «клиники»... Мифологическое творчество привлекало теперь мое внимание преимущест-

венно своими нелепостями, и я находил в нем признаки больного ума, патологической «логики», сопровождающиеся иллюзиями и галлюцинациями. Древность полна бредовых идей, иллюстрацию которых нетрудно найти в клиниках... Впоследствии, когда я прочитал книгу Брюля (Levy-Bruhl, «Mentalite des peuples primitifs»), этот вывод получил в моем воззрении более прочное обоснование. «Первобытный алогизм» представился мне теперь как закономерная болезнь мозга, послужившая отправною точкою умственного развития человечества» [3, с. 49].

В этих словах замечательного русского филолога и незаурядного теоретика культуры не содержится ничего для науки нового. Фактически, это уже перефразировка фрейдовского понимания религии как «коллективного невроза». Между тем, собственное понимание религии и культуры, психики человека, было у Овсяннико-Куликовского много глубже. После процитированный выше фразы идет замечательно личностное, драматически-лирическое признание мыслителя: «На днях я прочитал у Ренана такую фразу: «...Человек в течение многих тысячелетий был сумасшедшим, после того как в течение многих тысячелетий он был зверем». Я встретил эту мысль как “свою”...» [3, с. 49]. Это и была его мысль. И развита она была в двух его диссертациях много глубже, чем просто блестящая фраза у Ренана.

Будучи еще совсем молодым исследователем, в скором времени по окончании университета, Д.Н. Овсяннико-Куликовский обращается к анализу религиозных гимнов Риг-Веды, которые привлекают его именно своим «сумасшествием». Это проявляется как в неестественном пафосе стиха, в возбуждающем действии его ритма, так и в его содержательной части. Например, возьмем гимн I,9, «К Индре»:

О, Индра, приди! Опьяняйся напитком
Все дни приношения сомы,
Великий, превосходящий (всех) силой!
Напустите же его на выжатого (сому)!
(Лейте) пьянящего опьяняющемуся Индре,
Действенного – деятельному во всем! [6, с. 36]

Что означает этот безумный призыв к безумию, к опьянению?

Как поясняет сам Д.Н. Овсяннико-Куликовский в своих «Воспоминаниях», «идея была такая: ритм, присущий языку и выражающийся с наибольшей силою в стихе и пении... должен был действовать на младенческую психику человека возбуждающим, экстатическим образом, он явился стимулом мысли и творчества. Открытие опьяняющих напитков, относящееся к глубокой доисторической древности, дало людям другое средство психического подъема, далеко не безвредное, но зато действовавшее с чрезвычайной, волшебною силою. Язык (речь-пение) и опьяняющий напиток были обоготворены и стали предметом культа, как это случилось с огнем, открытие которого предшествовало открытию опья-

няющих напитков, было отправною точкою человеческой культуры. В древних религиях и мифах должны (гадал я) скрываться отголоски или воспоминания о творческой роли экстаза, вызываемого как ритмом языка, так и действием опьяняющего напитка... Замысел труда сводился к тому, чтобы собрать воедино и исследовать эти отголоски или воспоминания, дошедшие до нас в так называемых «вакхических культах» древности, каковы культы божеств Soma – у древних индусов, Наома – у древних иранцев, Диониса – у греков, и таким образом, подслушать шепот времен первобытных... Задача по существу была социально-психологической» [3, с. 36].

У этой «социально-психологической» задачи была одна особенность, которую Д.Н. Овсяннико-Куликовский как бы опускает, будучи погруженным в чтение медико-психиатрической литературы. Дело в том, что упомянутая исследовательская задача была сформулирована молодым лингвистом тогда, когда он разделял и по-своему развивал взгляды Вильгельма Гумбольдта на язык в его отношении к сознанию и мышлению. Свою диссертацию «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности» Овсяннико-Куликовский начинал прямо со ссылкой на В. Гумбольдта: «Вильгельм Гумбольдт в своей знаменитой книге «О различии строя человеческих языков» развил между прочим глубокую и плодотворную мысль о том, что язык не есть, так сказать, «вещь»... но что он есть только функция человеческой души... язык есть не *ergon*, но *energia* ...явление психическое» [3, с. 3].

Именно на этом пути, пути продолжения дела великого немецкого лингвиста и теоретика культуры, Д.Н. Овсяннико-Куликовский достиг выдающихся результатов и пришел к выводам о природе языка, к которым ранее пришел и А.А. Потебня, также первоначально исходивший из концепции Гумбольдта. Между тем, по отношению к методологии науки и философии взгляды А.А. Потебни со временем существенно разошлись с позицией В.Гумбольдта. После встречи Д.Н. Овсяннико-Куликовского, тогда еще молодого ученого, с маститым профессором А.А. Потебней, первый оказался целиком под обаянием второго. Для Д.Н. Овсяннико-Куликовского это означало смену личных научных авторитетов с соответствующей переориентацией научных интересов.

Можно, пожалуй, с большой долей вероятности утверждать, что концепция экстаза Д.Н. Овсяннико-Куликовского развивалась под воздействием научной методологии В. Гумбольдта, а с переориентацией на методологию А.А. Потебни концепция экстаза перестала не только развиваться далее, но и просто существовать.

Между взглядами А.А. Потебни и В. Гумбольдта на природу языка и взаимосвязь языка и мышления, безусловно, много общего. Различие начинается с отношения к понятию «дух народа», которому В. Гумбольдт уделял

исключительное внимание. «Дух народа», по Гумбольдту, есть такая же реальность как, например, общество или язык. И ни одну из этих реальностей невозможно понять вне взаимосвязи, вплоть до тождества, с другими. Для А.А. Потебни подобная методология теоретического рассмотрения языка была неприемлемой: Общество и Язык – это действительные реальности, а «дух народа» есть нечто вторичное, производное от первых двух. Возражая Гумбольдту, А.А. Потебня писал: «Принявши... дух в смысле сознательной умственной деятельности, предполагающей понятия, которые образуются только посредством слова, мы увидим, что дух без языка невозможен, потому что сам образуется при помощи языка, и язык в нем есть первое по времени событие» [1, с. 58]. В связи с этим «утверждение Гумбольдта о тождестве языка и «духа народа» является, по мнению Потебни, «следствием каких-нибудь недоразумений» [1, с. 58].

Примерно такое же отношение, вероятно, возникло у А.А. Потебни и к «концепции экстаза» в диссертации Д.Н. Овсяннико-Куликовского: как «следствием каких-нибудь недоразумений». Естественно, что это не отразилось на защите диссертации. А.А. Потебня дал положительный отзыв на диссертацию, сделал несколько критических замечаний по поводу этимологии санскритских слов и с подчеркнутым молчанием обошел «концепцию экстаза».

Между тем, концепция экстаза Д.Н. Овсяннико-Куликовского довольно органически вытекает из философско-культурологической методологии Вильгельма фон Гумбольдта. Остановимся на некоторых ее принципиальных моментах.

Вводя понятие «дух народа» как коррелятивную с языком и обществом реальность, Гумбольдт делает целый ряд оговорок и пояснений. «Было нелегко, – пишет он, – найти выражение, которое передавало бы суть человека одновременно общим и все же специфическим образом, наподобие таких слов, как сущность (*Wesen*) и сила (*Kraft*). Чтобы подобное выражение было пригодным, оно должно было одновременно напоминать о его чувственной и внечувственной природе и, кроме того, указывать на его господство в этих сферах. В обоих отношениях слово дух (*Geist*) казалось мне наиболее уместным из всех слов, которые можно было бы использовать: 1) поскольку исходно оно обозначает нечто чувственное, а именно – крепость возбуждающих напитков, являющуюся результатом отделения водных фракций (винный спирт, *Weingeist*) <...> 3) поскольку это слово обозначает как раз то внечувственное, что мы все же представляем себе достаточно телесным, оно является синонимом слова «привидение» (*Gespenst*) <...> 8) наконец, поскольку дух обозначает также и господствующую, специфическую и подлинную сущность, в противовес букве (*Buchstabe*)... Все современные языки имеют соответствующие выражения, и во всех налицо та же метафоричность... В итальянском слово *spirito* имеет более мистическое, чем философское значение; во

французском от первоначальной идеи дистилляции выведено прежде всего понятие изящества, утонченности; в английском от той же идеи – живительная и пламенная сила крепкого напитка (well spirited) <...> Внечувственное использование этих выражений появилось только вместе с христианством и происходит из древнееврейского языка (хотя это утверждение требует еще уточнения), а древним было несвойственно использование слова дух в психологическом плане» [2, с. 343–345]. Этимологические экскурсы Гумбольдта в слово «дух», вскрывающие историческую амбивалентность чувственно-внечувственного содержания этого понятия (типа спирт-спирит), будут играть значительную роль и в культурологии Д.Н. Овсяннико-Куликовского.

Язык в понимании В. Гумбольдта есть не только средство общения; языку принадлежит выдающаяся с гносеологической точки зрения роль – служить «априорными формами мышления и чувственного созерцания». «Рассматривать язык не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа есть основа подлинного языкового исследования, от которого любое другое изучение языка, как бы основательно оно ни было, в сущности своей только уводит» [2, с. 377]. Конкретизацией этого принципа применительно к методологии диссертации Д.Н. Овсяннико-Куликовского можно считать и такое высказывание В.Гумбольдта: «Если мы хотим достичь ясности в наивысшей и в наиважнейшей точке языкознания, то нельзя обойти вниманием вопрос о том, обладают ли языки какой-либо формой духовного воздействия, познаваема ли эта форма и какими способами ее следует изучать» [2, с. 372].

При подготовке к защите своей диссертации Д.Н. Овсяннико-Куликовский вполне определился во всех методологических вопросах, поставленных Гумбольдтом. Выбрав для своего анализа поэтические тексты гимнов Риг-Веды, ученый занялся реконструкцией древних культовых ритуалов методом этимологического анализа мифов.

Первоначально рабочая гипотеза о том, что пение гимнов возбуждает психику человека, а пение гимнов в сочетании с действием опьяняющих напитков возбуждает ее экстатическим образом, не отличалась глубиной. Однако обращение к содержательной части гимнов Риг-Веды поставило вопрос по-новому. Оказалось, что опьяняющий напиток сома есть, одновременно, божество Soma, причем божество Экстаза. Сомы как божество экстаза тесно связано с Агни, божеством огня, причем огонь, наркотический напиток и экстаз являются реальными частями одного, вполне реального ритуала.

В этом ритуале экстаз становится самоцелью, а наркотические вещества и огонь играют в нем роль технических средств. То есть за мифологией гимнов скрывается вполне реальный экстатический культ. Но культ есть практическая деятельность человека, направленная на изменение исходного психического состояния. В экстатическом культе исходное психическое состояние

меняется на экстатическое. Что, в таком случае, значит для человека его экстатическое состояние, экстаз? Но это уже общефилософский вопрос, выходящий за рамки не только филологического анализа текста, но и за рамки культурологии и психологии. Такова примерная предыстория постановки вопроса об экстазе в концепции Д.Н. Овсяннико-Куликовского.

Результаты своих исследований Д.Н. Овсяннико-Куликовский представил в своей диссертации двояким образом: методом индукции, восходя от этимологии санскритских слов к общим культурологическим выводам, и методом дедукции, определяемой исходным тезисом. При этом концепция экстаза возникала на основе тех положений, которые оказывались тождественными при формулировании их двумя разными методами – индукции и дедукции. Фактически Д.Н. Овсяннико-Куликовский лингвистическим анализом поверял свои дедуктивные выводы и, напротив, социологическим и психологическим анализом поверял филологическую интерпретацию текстов экстатического содержания.

При этом следует оговориться, что сам Овсяннико-Куликовский под дедуктивным методом своей работы понимал нечто иное. «Значение и роль экстаза на ранних ступенях культуры может быть приблизительно постигнута дедуктивным путем, «от известного к неизвестному», отправляясь от роли экстаза в настоящее время мы можем воспроизвести... роль экстаза в древности. Опыт такой дедукции мы сделаем, – отмечает в своей диссертации Д.Н. Овсяннико-Куликовский, – в последней главе... индуктивные положения мы извлечем из... свидетельств памятников древности... Риг-Веды и... данных языка» [4, с. 55]. Диссертация была опубликована в Одессе в 1883 году крохотным тиражом, так что даже русской общественности она осталась неизвестной. Примечательно, что Вяч. Иванов, знаменитый теоретик русского символизма, тоже филолог-классик по образованию, не знал о диссертации Овсяннико-Куликовского, хотя в 1923 году в Баку защищал докторскую диссертацию о «прадионисийстве». Поскольку диссертационную работу Д.Н. Овсяннико-Куликовского разыскать практически невозможно, я возьму на себя труд эксплицировать основные идеи антропогенетической теории экстаза из санскритских изысканий диссертанта.

Общую посылку всех дедуктивных построений Д.Н. Овсяннико-Куликовского можно видеть в следующем рассуждении. «В ряду психических факторов, совокупность которых образует психическую сущность общности, немаловажную роль играют явления экстаза, с которыми связаны целые стороны человеческой жизни и культуры. История танцев, история пения, музыки и поэзии, многие стороны религиозной жизни человечества, наконец, совокупность явлений, связанных с потреблением опьяняющих напитков и наркотических средств, громадное значение которых – отрицательное или положительное, – не подлежит сомнению, – все это вместе взятое сводит-

ся в своей психологической основе к истории культурно-психического фактора, называемого экстазом. ...Язык классифицируется вместе с теми культурными психическими функциями, которые называются искусством, и прежде всего с музыкой и поэзией. Раз этот факт сродства языка с искусством... установлен, сама собою представляется мысль, что в природе языка должны таиться психические элементы экстаза» [4, с. 4–5].

Для представления об индуктивном методе разработки концепции экстаза в трудах Д.Н. Овсяннико-Куликовского обратимся к некоторым из его филологических изысканий.

«В Риг-Веде, – пишет Овсяннико-Куликовский, – термин *kavi* – поэт сплошь и рядом употребляется как синоним *vipra* (жрец); но *vipra* собственно значило «трясущийся» (ср.: «вибрация», лат. *vibrare* – В.К.), находящийся в экзальтированном состоянии» [4, с. 28]. С этими понятиями будет связано и исходное представление о мудрости.

«Мудрец», – отмечает Овсяннико-Куликовский, – это тот же «вещий», а «вещий» – это человек экзальтированный, поэт... наше слово *мудр*, церковнославянское *мждрь* этимологически тождественно с санскритским *mandra*, что значит «упоительный, чарующий, благозвучный», и возводится к корню *mad*, выражающему понятие «опьянения» и «экстаза» [4, с. 27]. Поэтому «понятие о «мудрости» на ранних ступенях развития культуры не отделялось от понятий об «экзальтации» [4, с. 27].

Нам трудно следовать за этимологическими изысканиями в санскрите, которыми наполнен труд Д.Н. Овсяннико-Куликовского, но логика его лингвистического анализа может быть представлена нами в следующем виде. Санскритские корни слов *man*, *mad*, *manth* этимологически связаны между собой. Каждое из них имеет свой ареал значений, определяющий новое словообразование.

От корня *MAN* в санскрите образуются слова *manas* – душа, *matī* – думать, мыслить и *mantra* – изречение (*man* указывает на психическую деятельность, а *tra* – на орудие), *brach-man* – человек в подъеме духа (*brach* – подъем, напряжение, умножение). Производными словами от того же корня в древнегреческом языке являются слова *mantis* – «вещий», колдун, мудрец, и *menos* – мужество. В славянских языках к корню *man* восходят слова *мнить*, *па-мять*, *мысль*.

«От *MAD* мы имеем в санскрите, – продолжает анализ Овсяннико-Куликовский, – существительное *mada* – опьянение, экстаз, – слово, которое в Авесте,... не утрачивая значения «экстаз, опьянение», развило также значение «врачебное искусство». Едва ли можно отделять от этих форм латинское *MED* – в *medeor*, *medicus*, *medicina*» [2, с. 46].

«...Корень *MANTH* (*math*) означает в санскрите «приводить в быстрое вращательное движение» и специально применяется к обозначению процесса добывания огня и взбивания масла» [4, с. 47].

Со значением «быстрого вращательного движения» в вакхических культурах очень много связано. Ритуальный огонь добывают верчением (деревянной палочки в дощечке с дырочкой, которые по названию одноименны мужским и женским гениталиям). Ритуальные наркотические напитки взбивают верчением-сотрясанием. В ритуальных плясках сами участники кружатся, трепещут, вертятся. В имени греческой музы Терпсихоры, покровительницы танцев, хорошо запечатлелось значение ритуального кружения: *χορος* – хоровод, кружение, и *τερπω* – наслаждаться (ср. русское «терпеть», «терпко»). Вообще «...“трепет”, – отмечает Овсяннико-Куликовский, – есть симптом экстаза, произведенного круговой пляской» [4, с. 93].

«Итак, мы видим, – делает вывод Овсяннико-Куликовский, – что концепция душевных движений, понятие радости, ликования, восторга, – одним словом концепция «экстаза», связывается с представлением «вращательного движения» [4, с. 100].

«Вращательное движение» на физическом уровне лежит как бы в основе всего культового ритуала Экстаза. «Крутят» огонь при его добывании, «крутят» наркотический коктейль при его приготовлении, «крутятся» сами вокруг огня в хоровых плясках-кружалах. На психофизиологическом уровне кружение-верчение оборачивается трепетом, трепещущим наслаждением, психофизической вибрацией, которая в культе трактуется как метод взаимной связи космоса и антропоса. Само греческое слово *τροπος*, как отмечает Овсяннико-Куликовский, – означает оборот, поворот, наше тропа, торопиться [4, с. 93]. На психическом уровне кружение, верчение, тряска, трепет, дрожь оборачиваются экзальтацией, переживанием этой экзальтации как длящейся вибрации наслаждения, а отстраненное переживание собственной экзальтации воспринимается как некоторое существование, экзистенция, которое будет аппроксимировано понятием «души» или «духа».

Экзальтация, достигаемая культовым ритуалом, есть новое бытие человека, есть существование до сущности, и эта экзистенция находит свое выражение в понятии духа. Переход в экзистенциальное бытие (лат. *trans*) психофизически переживается как «подъем духа», «воодушевление». Однако первоначальная топография души имеет значения, обратные современным. Дух первоначально понимался, скорее, как пребывание человека в духе, а не пребывание духа в теле человека.

Вращательные движения и трепет, предшествующие экзальтации, задают основы того, что будет называться ритмом. Чувство ритма, или ритм, можно рассматривать как хронологию собственной экзальтации и ее оборотной стороны – экзистенции. Ритм есть чувство отстраненного пре-бывания в духе, кружения в духе, чувство оборачивания. То есть ритм есть изначально чувство экстатическое, он есть, можно сказать, экстракт техники экстатического культа. Д.Н. Овсяннико-Куликовский напрямую связывает ритм с «вращатель-

ными движениями» в экстатических ритуалах, что позволяет ему рассматривать сам ритм как самостоятельный фактор экстатического действия, наряду с возбуждающим действием ритуального огня и опьяняющих напитков.

Одним из способов физического задания ритма в экстатическом ритуале является голосовая модуляция типа ритмичного стенания, которая постепенно эволюционирует в сторону поэтического речепения. В качестве типичных примеров могут служить гимны или мантры. Однако и сам язык, построенный на бинарных оппозициях (Ф. де Соссюр), задает определенный ритм, имеющий психическое воздействие на человека. Этот ритм в различных национальных языках будет различным, что соответственно скажется на национальной психологии народов. Эта мысль, высказанная в общем виде еще В. Гумбольдтом, постоянно привлекала внимание Овсяннико-Куликовского: «Экстатическое действие ритма в танцах действительно засвидетельствовано историей и опытом. То же самое следует сказать о музыке и пении. Но мы пойдем еще дальше и скажем, что сам язык на ранних ступенях развития действовал на человека экстатическим образом и что источником такого действия был именно ритм, языку присущий» [4, с. 101].

«На ранних ступенях развития поэзия сливалась с языком, – продолжает свою мысль ученый, – сам язык был поэзия, и ритм, ему присущий, был жив и властен». Отмечая ритмическое сочетание слогов в языке, распределение гласных, симметрию ударений, сочетание высоких и низких нот в мелодии языка, Овсяннико-Куликовский отмечает, что «вот здесь-то, в этой инстинктивной гармонии языка и таится причина экстатического воздействия языка на психею человека» [4, с. 102–103].

Действие ритма начиналось с самой подготовки к экстатическому ритуалу, с процедуры приготовления опьяняющих напитков и добывания огня (древним способом). Обе процедуры персонифицированы в экстатическом культе эпохи Вед двумя культовыми божествами: Агни и Сомы. Д.Н. Овсяннико-Куликовский посвящает исследованию культа Сомы (экстаза) магистерскую диссертацию, а исследованию культа Агни (огня) – докторскую. Хотя сама концепция обеих диссертаций целиком заложена в первой работе.

В культовом пространстве экстатического ритуала между огнем и опьяняющим напитком много общего. В результате опьяняющего действия по телу разливается жар, – такой же, как от пламени костра. Человек как бы сам воспламеняется, загорается огнем и трепещет – в своих танцевальных телодвижениях – как пламя. В нем просыпается неистовство, мощь, бешеная энергия, *furor*. Само состояние экстаза переживается как просветление (не бытовое, конечно, и не культурное, а скорее, абстрактно-космическое), при котором и глаза, и лицо сияют. Огонь в данном случае выступает как зримое выражение незримого и в то же время как объективация субъективного.

Огонь лучезарен, сиятелен, светоносен, благолепен, – таким он предстает в экстатическом опыте. Но в экстатическом опыте все отмеченные предикаты

огня творятся вне огня, в человеке. Причем человека в экстазе нельзя обвинить в солипсизме: он вне себя по определению, поэтому поименованные выше предикаты огня становятся предикатами реальности. Тем самым в экстатическом опыте начинается презентация, репрезентация онтологической реальности в атрибутах (уже не в предикатах) лучезарности, сияния, света, благодати.

Огонь сам по себе становится как бы в стороне, он уже как бы и не причем, хотя в ритуале он по-прежнему остается в центре внимания, в центре хоровода. Но, глядя на него, созерцая его, смотрят вне его, дальше его и видят не его, а атрибутику онтологической реальности, переживая ее в себе самом. В то же самое время огонь реально жжет, светит в ночи, возбуждает, провоцирует неистовство телодвижений. Поэтому огонь – не просто символ со значениями трансцендентного опыта, но он есть явление, явление Мессии, богоявление. Огонь – живой бог, проявленный, но его не потрогать руками: в огне два огня, и оба жгут: один жжет тело, другой – душу.

В культе Агни и Сомы речь идет о горении души, о разогреве человека до пластики текучей жидкости, артикулирующей вибрации космоса, биения пламени огня. Звуковым аналогом огня, в тех же самых определениях, будет Речь как пение. Речь первоначально есть песня огня, его звуковое отображение. Когда «горящий» в экстазе человек поет, то его пение лучезарно, оно ни о чем, оно о самой лучезарности, оно азартно-поэтично. Оно творится человеком, и само творит человека. Человек творит экстатическую песнь, отдается пению, и пение делает из человека экстатика, поэта, вещего, провидца. Экстатическая песнь ведет, а сами песни получили название Веды.

Изучая гимны Риг-Веды, Овсяннико-Куликовский усматривает тесную взаимосвязь между жадой пения (речевой деятельностью), потреблением опьяняющих напитков и культом огня. «Сома украшается песнями – наряжается в пение как бы в одежду... Пение не называется пением, гимн не называется гимном, – для обозначения этих понятий взяты слова ...“голос”, “слово”, “мысль”, “чувство”, “экстаз”...» [4, с. 36].

«Потребление опьяняющего напитка дало могучий импульс дальнейшему развитию психической деятельности – в весьма разнообразных сферах ее. Он окрылял фантазию, развязывал язык, развивал общественность, подвигал вперед поэтические, творческие и культурные инстинкты человека. Это было острое, возбуждающее начало, которое – будучи внесено в младенческую психею доисторического человечества – пробуждало ее дремлющие силы» [4, с. 24].

Отмечая «жаркое действие» опьяняющего напитка сомы, Овсяннико-Куликовский пишет: «Он чуден, он упоителен, он полон тайны – этот новый Agni. Рождаясь из растения, – как огонь – из дерева, – он согревает и даже жжет, как огонь... Он как бы жидкий огонь. Он возбуждает восторги еще в большей степени, чем Agni. Проникая в человека, он приводит в священный трепет все силы души его, и человек чувствует, что какое-то божество –

мощное и властное – вселилось в него; создание слабое и бренное, он теперь ощущает в себе необычайный прилив сил, наплыв энергии, – он мнит себя причастным божественной субстанции и обладателем всяческой мудрости. Раз эти психические моменты налицо, – мы уже в сфере религии и специально – на рубеже той могучей всемирно-исторической религиозной силы, которая называется мистикою» [4, с. 24–25].

В гимнах Риг-Веды боги – не абсолютно самостоятельные существа. Они зависимы как от действия опьяняющего напитка сомы (амброзии), так и от людей, которые поддерживают в них божественный настрой своими комплиментами (гимнами, псалмами, молитвами, жертвоприношениями, – культом). По этому поводу Овсяннико-Куликовский замечает: «Индра совершает все свои подвиги при помощи Сомы... подвиги совершает не Индра сам по себе... а Индра-Сома» [4, с. 109]. То есть боги, о которых повествуют гимны Риг-Веды, сами находятся в экстатическом состоянии, они также нуждаются в его воспроизводстве. При этом Сома, бог Экстаза, выступает как источник космической, изначальной энергии, в то время как остальные боги только пользуются ею. Они лишь деятели, агенты, органы лучезарной реальности. Экстаз как «выход-из-себя» есть креативный источник хаоса-космоса, креация самого бытия, по отношению к которому различия между хаосом и космосом просто второстепенны. Экстаз есть желание БЫТЬ, напряженный прорыв из небытия в бытие. Ведический Soma и есть подобное желание быть, энергия прорыва в бытие. Экстаз ведет в бытие и есть ведение бытия, и божество экстаза, Сома, есть вождь, фюрер, дуче, пред-водитель богов. Сами боги поклоняются Соме.

У людей есть могучее, волшебное средство: они могут творить энергию экстаза, – это больше, чем могут отдельные боги. Но люди не могут, не умеют ею пользоваться. Драгоценный дар Сомы, сотворенный людьми в экстатическом культе, достается богам – и даром. Мудрость жрецов в том и состояла, чтобы драгоценный экстаз не отдавать даром, а заключать завет, договор, сделку с богами на взаимовыгодных условиях. Жрецы – изначально дельцы, именно поэтому общественная жизнь превратилась в фаустовскую цивилизацию. Мудрость как трепет, поэзия, бескорыстное, – и потому беспредметное, – созидание экстаза, энергии космоса, обернулась в цивилизации оккультной магией и сладостью власти. Мудрым в цивилизации объявляется тот, кто умеет управлять и властвовать, созидать «предметность». Беспредметность в цивилизации выступает синонимом никчемности, и экстаз выпадает из поля зрения цивилизованных людей как нечто беспредметное, никчемное, неестественное для якобы естественных наук.

Способность людей созидать экстаз придает культу Сомы в эпоху Вед совершенно особое, триумфальное значение. Люди, приготовляющие опьяняющий напиток Сомы и поющие гимны в честь его созидания, в этот момент онтологически выше богов. Это торжественный миг в жизни человека.

Человек может, не теряя достоинства, посвятить (как бы нотариально завещать) свой экстаз определенному богу, моля его использовать этот экстаз хотя бы отчасти на пользу человеку. Такими по своему содержанию и являются гимны Риг-Веды. Они, безусловно, корыстны. В то же время они еще сохраняют наивность в подходе к заключению завета, в котором вполне определенно проглядывает абсолютная ценность беспредметного сознания. И эта ценность фиксируется в строе языка, в способности языка экстатически воздействовать на психику человека. Д.Н. Овсяннико-Куликовский со всей ответственностью оценил значение экстастичности языка, однако тема эта не получила дальнейшего развития в его творчестве.

В процессе ритуального приготовления опьяняющего напитка сомы часто проводятся аналогии эротического характера. Например, при смешении выжатого из растения сока наркотического действия с молоком в песнях звучат слова: «Сома стекает в чан, словно парень с девками». Часто проводятся аналогии Сомы с быком, а смешение наркотического сока с молоком (с последующим сбраживанием) трактуется как соединение Сомы-быка с коровами, от чего и происходит экстастическое действие напитка. Анализируя факты подобного рода, Д.Н. Овсяннико-Куликовский приходит к выводу: «...мы можем принять, что бытовая концепция Сомы-самца есть нечто первичное, примитивное, нечто предшествующее концепции Сомы-жреца и поэта, что экстаз самца есть культурный момент, предшествующий экстазу поэта» [4, с. 132].

Сома, божество экстаза, символизирован опьяняющим напитком сомой, подобно тому, как бог Агни символизирован ритуальным огнем. Но процедура приготовления наркотического зелья ассоциирована с сексуальными отношениями точно так же, как процедура добывания ритуального огня. Оба бога эротичны, но Сома сексуальнее Агни. Сома действует через человека, и сам человек трактуется как «сосуд для струения сомы». Струение сомы (половая любовь) возжигает Огонь в человеке. В результате получается так, что человек достигает экстаза в ритуале, в котором взаимосвязанно представлены три элемента: 1) ритуальный огонь; 2) ритуальный опьяняющий напиток наркотического действия; 3) ритуальные половые отношения. Совокупное их действие отображается в речепении.

Добытые Д.Н. Овсяннико-Куликовским факты этимологического анализа позволяют ему перейти к дедуктивному методу изложения «концепции речи и экстаза».

Прежде всего, он отмечает огромное положительное значение потребления наркотических веществ в рамках экстастического культа: «Потребление опьяняющего напитка дало могучий импульс дальнейшему развитию психической деятельности... Это было острое, возбуждающее начало...» [4, с. 24]. И далее: «Огонь домашнего очага и действие опьяняющего напитка на ранних ступенях культуры имели значение могучих факторов, сильно способст-

вовавших группировке людей, развитию общительности и общественности. Эти факторы реагировали на младенческую и грубую психею дикаря экстатическим образом, и этот примитивный экстаз был могучим стимулом для дальнейшего развития психической деятельности» [4, с. 55].

Проводя этимологию слов для обозначения огня, исследуя культ Агни, Овсяннико-Куликовский невольно подводил к выводу, что огонь является неотъемлемой частью экстатического культа, чего нельзя сказать про его хозяйствующее значение. Огонь был обязательным для формирования психики человека, а был ли он так обязателен для первобытной экономики – это большой вопрос.

Точно так же, как огонь и наркотики, в экстатическом ритуале были востребованы половые отношения, – естественно, что не по своему прямому назначению, не для деторождения. Далее можно предполагать, что половые отношения в экстатическом ритуале заложили основы собственно человеческой сексуальности, совершенно искусственной по отношению к инстинкту продолжения рода. Это предположение действительно оправдывается при культурологическом подходе к сексологии и сексопатологии.

Наконец, последнее фактологическое обстоятельство, связанное с экстатическим ритуалом, касается «кружения» и ритма. Так же, как хлысты доводят себя до экстаза «кругом, святым кругом!», точно так же кружение вокруг огня (и другие виды кружения) играло важную роль в первобытной технике экстаза.

Речь возникает как голос, точнее, как вопль экстаза, размеренная ритмом экстатических телодвижений. В своем прообразе речь есть голос, звучащий на протяжении всей процедуры экстатического ритуала, голос, приуроченный к ритму и пафосу ритуала, и, естественно, не отягощенный «предметностью». То есть речь в начале своего генезиса есть голосовое сопровождение экстатического ритуала, его аккомпанемент. И в этом своем значении речь не была коммуникативной функцией общества, функцией общения, но была функцией психического воздействия на человека.

Подытоживая в «Заключении» результаты своей работы, Д.Н. Овсяннико-Куликовский делает общий вывод, который сыграет свою роль в дальнейших дедуктивных построениях: «...На ранних ступенях развития общественности острые экстатические состояния играли выдающуюся роль и имели, по премуществу, значение прогрессивное» [4, с. 228].

Этот вывод русского ученого, сделанный более века тому назад, резко контрастирует с представлением об экстазе в современной медицине и науке. Для естественных наук экстаз неестественен, а потому-де он не может быть предметом изучения. Даже для психоанализа З. Фрейда, фрейдистов и неофрейдистов экстаз остался за пределами изучения, прикрытый не такой уж и толстой пеленой сексуальности. Отмечая наличие в человеке некое неистовое

влечение, энергию этого влечения, окрашенную в тона сексуальности и смерти (Эроса и Танатоса), З. Фрейд обозначил его абстрактным латинским термином *libido*. Экстатическая природа *libido* для психоанализа оказалась недоступной.

Между тем, для понимания как причины неврозов, так и для понимания самой сексуальности человека, сексуальных перверсий и девиаций, имеет значение следующее положение «концепции экстаза» Д.Н. Овсянико-Куликовского: «Оскудение стихии экстаза нормального, вытекающего из самой сущности психического взаимодействия, вызывает страдание, недовольство, неудовлетворенность, скуку и заставляет прибегать к суррогатам, например, к вину» [4, с. 229]. Овсянико-Куликовский не только не относит явление экстаза к патологии, не только знает его культурное, прогрессивное значение для психики человека, но и настаивает на наличии определенной экстатической нормы, отклонение от которой вызывает психические отклонения: «Без острых экстатических воздействий человек не может держаться на уровне нормальной возбужденности, потребной для его душевного равновесия; лишенный этих возможностей, он опустился бы ниже того уровня, он потерял бы, так сказать, нерв жизни» [4, с. 230].

Далее Д.Н. Овсянико-Куликовский составляет целую программу развития исследований по теме экстаза, хотя изложение ее в «Заключении» диссертации по сравнительному языкознанию никакого значения уже не имело. Да и сам автор рассматривал развитие темы как «вопросы общественной психологии», к которым он отнес следующие:

- 1) требуется определить состав и общественный характер, норму общественного экстаза в данное время;
- 2) исследовать переход нормы экстаза в одну эпоху к норме экстаза в другую эпоху;
- 3) связать переход от одной нормы экстаза к другой с развитием цивилизации.

«...Только на этой психологической почве и возможно, как я думаю, – полагает Д.Н. Овсянико-Куликовский, – построить широкую и плодотворную формулу прогресса... Нормальный экстаз у детей и у так называемых дикарей займет видное место в этого рода исследованиях» [4, с. 229].

Дальнейшую программу развития концепции экстаза Д.Н. Овсянико-Куликовский связывал с классификацией экстатических состояний.

К классификации как важнейшему методу научного познания Овсянико-Куликовский подошел не как систематик, занимающийся описанием различных видов и подвидов наблюдаемых явлений, но как теоретик науки, закладывающий в классификации методологию нового знания.

Прежде всего, Д.Н. Овсянико-Куликовский разделил все экстатические состояния человека на два вида: обычные и острые. При этом предполагается,

что вне экстатического состояния человек – как человек – не бывает, то есть он бывает либо в обычном экстатическом состоянии, либо в «остром»: «Наблюдая современного человека, как существо общественное, ...мы легко подметим, что его внутренне бытие слагается из... различных экстатических духо-настроений. В самой природе общественности лежит источник душевных подъемов» [4, с. 229].

Последнее обстоятельство необходимо рассматривать в связи с языком. Язык, общество и «дух народа» в своей взаимосвязи и образуют, следуя В. Гумбольдту, природу общественности. Учитывая сформулированное ранее положение Д.Н. Овсяннико-Куликовского о том, что «в природе языка таятся элементы культурно-психологического фактора, называемого экстазом», можно прийти к выводу, что всякий говорящий человек – вслух, «про себя», шепотом – уже экстатичен. Быть в языке – значит быть в экстатическом состоянии, которое Овсяннико-Куликовский интерпретирует как «обычное», «нормальное».

В своем реальном бытии человек подвержен действию многих экстатических факторов, кроме языка и речи. «Человек как существо общественное, состоит... под перекрестным огнем психических воздействий... эти воздействия производят... различные виды и сорта экстаза. Этот экстаз – во всевозможных видах, с бесконечными вариациями силы, интенсивности и характера, – широким потоком разливается в сфере общественности, составляя ту стихию ее, в которой человеку привольно дышать и вращаться» [4, с. 229].

От обыденных экстатических состояний Д.Н. Овсяннико-Куликовский отличает «острые», которым он уделяет особенное внимание. «В основе последних, – пишет он, – лежит психика ритма и действие возбуждающих начал, – частью искусственных. К отделу острых проявлений экстаза мы отнесем экстаз религиозно-мистический, а также те виды экстатических состояний, которые производятся танцами, музыкой, опьяняющими напитками, опиумом и т.п. Роль и границы этих проявлений экстаза крайне разнообразны, они видоизменяются по ступеням общественного развития, по национальностям, по сословиям, по уровням образованности и т.д.» [4, с. 230].

Намечая программу социологического исследования норм общественной экстатичности: по сословиям, по национальностям, по образованию и т.п., – Овсяннико-Куликовский не оставляет почву теоретического рассмотрения вопроса: «При всем разнообразии... в этой сфере, не трудно подметить одну общую черту, которая проходит через всю историю острого экстаза. Это именно – его абсолютная необходимость...

Такое общество – без религии, без искусства, без поэзии – не могло бы жить, не прибегая к суррогатам, например, к пьянству. Без острых экстатических воздействий человек не может держаться на уровне нормальной возбужденности, потребной для его душевного равновесия» [4, с. 230].

Идея об абсолютной необходимости острого экстаза для поддержания нормального уровня как психики человека, так и состояния общности (общительности, общежития) приводит Д.Н. Овсяннико-Куликовского к определенному взгляду на начало антропогенеза: «Если в настоящее время нервные чада цивилизации нуждаются в сильных возбуждающих стимулах, чтобы не одеревенеть и удержаться на уровне нормальной возбужденности, то тем более необходим был острый экстаз в эпоху, когда... нормальный уровень возбужденности еще не был установлен. Теперь дело идет о том, чтобы не опуститься ниже этого уровня, тогда дело шло о том, чтобы до него возвыситься... С развитием культуры мы наблюдаем постепенное упрощение острого экстаза... и превращение его из религиозного в светский» [4, с. 230–231].

Оценивая роль экстатического фактора в истории, Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал: «Если впервые дремлющая психея человека была пробуждена открытием огня (речь идет о культовом огне вместе с культом опьяняющих напитков – В.К.), то это пробуждение доведено до конца мистикой, которой острое, возбуждающее действие окончательно вырвало человека из животного прозябания и вывело его на широкий простор всемирно-исторического развития» [4, с. 25].

Для Овсяннико-Куликовского не была чуждой мысль о том, что человек, буквально, стал человеком, в экстазе покинув животный мир. Человек как животное, то есть гуманоид или антропоид, «вышел-из-себя», тем самым перестал быть животным и пошел по новому – собственно, человеческому, – пути. Поэтому не случайно, как уже отмечалось выше, Овсяннико-Куликовский встретил как свою, по его собственному признанию, мысль Ренана о том, что «человек в течение многих тысячелетий был сумасшедшим, после того как в течение многих тысячелетий он был зверем». И на пути всемирно-исторического развития фактор экстаза никогда не переставал существовать. В этом смысле всемирная история есть история прежде всего экстатическая, и лишь потом – экономическая и политическая.

Однако для Д.Н. Овсяннико-Куликовского вопрос о соотношении экстатического и общественного остался неразрешенным в принципе. Дело в том, что к своей концепции экстаза он шел от языка, общественная природа которого не вызывала сомнений. В таком случае и экстаз должен трактоваться как продукт социального действия. Однако реконструкция древнего экстатического культа демонстрировала, напротив, асоциальную технику ритуала, позитивное значение которой Овсяннико-Куликовский начал признавать одним из первых в ученом мире. Да и сам человек-в-экстазе асоциален. Но в то же время он и не биологичен в состоянии экстаза. Экстаз – не сон и не бодрствование, не жизнь и не смерть, не болезнь и не здоровье. Экстаз есть экстаз. Это состояние – человеческое, и Овсяннико-Куликовский первым сказал, что это нормальное человеческое состояние.

Взгляды Д.Н. Овсяннико-Куликовского не нашли поддержки в сфере науки. Естественные науки не относят экстаз к естественному состоянию человека (в отличие от тех же состояний сна и бодрствования, жизни и смерти, здоровья и болезни). А гуманитарные науки, страдая манией социальности, посчитали экстаз а-социальным и, следовательно, антигуманитарным явлением. В обоих случаях экстаз оказался вне сферы научного внимания, а «концепция экстаза» Д.Н. Овсяннико-Куликовского, проведенная в его диссертации, сошла за следствие каких-либо недоразумений.

Между тем, Д.Н. Овсяннико-Куликовского страстно интересовала проблема происхождения разума человеческого, к разрешению которой он, возможно, был ближе, чем кто-либо другой. Это была проблема всего гуманитарного знания и философии, – что прекрасно осознавалось мыслителем.

В своей речи в Харьковском университете от 17 января 1901 г. «О значении научного языкознания для психологической мысли» русский профессор писал: «В ряду великих научно-философских проблем, которых постановка и предварительное расследование составляет задачу второй половины истекшего века, видное место принадлежит проблеме о происхождении разума человеческого, об исторических путях его развития, о его познавательных силах, о границах этих сил, наконец, о его высшем назначении, его великом призвании на всемирно-историческом поприще бесконечного развития и совершенствования человека. Возникновение этой великой проблемы, – продолжим цитирование речи, – было естественным, историческим следствием разработки всех тех областей знания, которые имеют известное отношение, прямое или косвенное, близкое или отдаленное, к разуму человеческому, к психологии и истории познающей мысли. Физиология нервной системы и мозга, психофизиология, психопатология, психология процессов мышления, логика, теория познания, науки филологические и исторические, в ряду которых в данном случае на первый план выступает история наук, философии и художественного творчества – все эти области знания... приводят к постановке проблемы разума, и доставляют ей необходимые предпосылки в форме фактического материала и основных научно-философских понятий» [5, с. 1].

Среди основных научно-философских понятий, абсолютно необходимых для рассмотрения проблемы разума, зиял огромный пробел – понятия экстаза не существовало ни в философии (со времен утраты пифагорейско-неоплатонической традиции), ни в гуманитарных науках, ни в естествознании. И этот пробел в понятийном аппарате философско-научного знания был впервые восполнен концепцией экстаза Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Разработанная на прекрасном фактологическом материале, при блестящей эрудиции междисциплинарного научного подхода, восходя к глубинам европейской философской классики и древним текстам Востока, концепция экстаза оказалась, как это часто бывает в науке, не ко времени. Она была слишком новой, слишком яркой, слишком строгой для расплывчатой системы научных взглядов своего времени. Доказательством этого может служить и общественное возмущение взглядами

Ф. Ницше – в той мере, в какой он приближался к теме экстаза. Науке понадобилась хитрость З. Фрейда, который сознательно не афишировал философию своих исследований, скрывая ее под инструментариум науки (наблюдение и описание неврозов), пока не приучил научную общественность вслух говорить о сексуальности и ее роли в культуре.

Овсяннико-Куликовский прекрасно понимал, что сексуальность человека, в отличие от ее аналогов в мире животных, есть оргазм, один из видов оргазма, и в этом виде восходит не к половому влечению, а к экстатическому культу. И культурным напарником сексуальности является ритуальное использование наркотических средств. Причем и сексуальность, и использование наркотических веществ, по Овсяннико-Куликовскому, имеют выдающееся гносеологическое значение, которое распространяется, естественно, на психологию. Далее бы надо ставить вопрос о педагогике и философии образования в ее отношении к этике, эстетике, религиоведению, однако Овсяннико-Куликовский не делает этого, как не решает он и многих других проблем, связанных с концепцией экстаза. Однако отдадим должное ученому за то, что им сделано, а сделано им главное: произнесено само слово «экстаз», поименовано важнейшее явление антропогенеза, введено новое понятие, предложена концепция экстаза. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, подобно Декарту с его кратким «Рассуждением о методе», предложил теоретические основы новой методологии, которая, естественно, нуждается во времени для своего утверждения, нуждается в новых работах.

Список литературы

1. Березин, Ф.М. История лингвистических учений / Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1984. – 319 с.
2. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
3. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. Воспоминания / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – СПб., 1923. – 192 с.
4. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. – Ч. 1. Культ божества Soma в Древней Индии в эпоху Вед / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – Одесса: Типография П.А. Зеленого, 1883. – 240 с.
5. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. О значении научного языкознания для психологии мысли: речь, произнес. на торжеств. акте Харьк. ун-та 17 янв. 1901 г. / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – Харьков: тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1901. – 16 с.
6. Ригведа: Мандалы I-IV / Изд. подгот. Т.Я. Елизаренкова; Отв. ред. П.А. Гринцер; Ред. изд-ва О.К. Логинова. – М.: Наука, 1989. – 767 с.
7. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. ст. – М.: Книга, 1990. – 428 с.

FORGOTTEN MANUSCRIPT BY D.N. OVSYANIKO-KULIKOVSKY ABOUT ECSTASY IN LANGUAGE AND CULTURE

V. Kostetckii*

*St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture
named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, St. Petersburg, Russia
E-mail: kostavictor@yandex.ru*

Abstract. *In the modern philosophical and psychological literature, the term «altered states of consciousness» is increasingly used. Meanwhile, all altered states of consciousness begin with ecstatic as a special kind of psychosomatics. The most striking concept of ecstasy is presented in the forgotten works of the 19th-century Russian philologist D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky. From his point of view, it was the ecstatic state, as a result of trance rituals using narcotic drugs, that drew the border between man and animals, and then formed the basis of all cultural initiatives of mankind. The concept of ecstaticity is not set forth by D.N. Ovsyaniko-Kulikovsky in its finished form, but is the result of the reconstruction of the author of this article.*

Keywords: *ecstasy, language, ritual, consciousness, madness, Ovsyaniko-Kulikovsky, sociology, anthropogenesis.*

* *KOSTETCKII Victor Valentinovich* – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts.